

К. А. Руденко

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УДМУРТЫ
И ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ В X – НАЧАЛЕ XIII ВВ.**

В статье рассматривается проблема взаимоотношений двух соседних народов – средневековых удмуртов и волжских булгар в X – начале XIII вв. Основой для исследования послужили археологические материалы, представленные в настоящее время значительным количеством изученных археологических объектов – поселений и могильников. Автор рассматривает три этапа этнокультурных контактов: 1) X – вторая половина XI в.; 2) конец XI – середина XII в.; 3) вторая половина XII – начало XIII в. В начале первого этапа степень развития материальной культуры булгар и населения Чепцы была одинаковой, а возможностей развития на базе сырьевых ресурсов в Удмуртском Предуралье оказалось значительно больше. Эта ситуация сохранялась вплоть до второй половины X в., когда болгарское государство стало активно осваивать торговое пространство к северу от своих границ. Тем не менее, чепецкое население в этот период в меньшей степени подверглось болгарской торговой экспансии, чем марийцы, мордва и мурома, развивая ремесло и расширяя связи с Пермским Предуральем. На втором этапе на Чепце появляются группы переселенцев из Волжской Булгарии, которые оказали влияние на развитие высокотехнологичных производств и появление новых видов артефактов, например, изделий аскизского типа. К концу XII в. они полностью ассимилировались. В этот же период расширяются связи чепецкого населения с Пермским Предуральем и русскими землями. Эта ситуация сохранилась и на третьем этапе. Из Волжской Булгарии в это время привозили, в основном, редкие товары, например, шелковые ткани. Таким образом, на протяжении трех столетий сохранялись тесные связи средневековых удмуртов с волжскими булгарами, продемонстрировавшие особые механизмы взаимодействия в меняющихся условиях функционирования средневековых этносов в разных моделях культурного развития.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Древняя Русь, булгары, средневековые удмурты, финно-угры, Иднакар, аскизская культура, средневековая торговля, материальная культура, ювелирное дело, торевтика, миграции, культурное взаимодействие, зернь.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-469-480

Почти два столетия изучаются древности Волжской Булгарии – средневекового государства, существовавшего в X – начале XIII вв. на Средней Волге и Нижней Каме. С середины XX в. основным источником для научных штудий в этой области становятся данные археологии. Благодаря им было установлено, что материальная культура этого государства складывалась из различных компонентов и была достаточно синкретична. Также стало очевидным, что без изучения истории соседних с Волжской Булгарией народов невозможно понять и историю самой Булгарии, начиная от ее истоков и до завоевания монголами в начале XIII столетия. Это касается, прежде всего, ближайших соседей булгар – средневековых удмуртов, исследовани-

ем средневековой истории которых всю жизнь занималась М. Г. Иванова. В ее трудах содержится огромный пласт ценных сведений, суждений и фактов, позволяющих представить не только разные стороны жизни и деятельности населения Среднего Предуралья эпохи Средневековья, но и проанализировать этнокультурные контакты и взаимодействия в Волго-Камье этого времени.

Материалы и методы

В конце XX в. исследование болгаро-удмуртских связей на археологических материалах как удмуртских памятников [Иванов 1997, 126–148; Иванова, Руденко 1994, 107–120], так и болгарских [Руденко 1999, 101–102], выявило не только разнообразие области контактов, но и поставило вопрос о характере этих отношений. Эту проблему, опираясь на археологические материалы, в 1990-х гг. изучил А. Г. Иванов, подведя своего рода итог этим штудиям за XX в. [Иванов 1997, 126–149]. Новые данные позволяют по-новому осмыслить данный вопрос.

В этой связи стоит упомянуть ряд открытий, сделанных на рубеже столетий в Елабуге, на северо-востоке Татарстана. Это средневековый языческий могильник болгаро-финского населения (Елабужский IV) и артефакты из культурного слоя поселения, которые имеют аналогии на чепецких памятниках XI – начала XIII вв. [Нигамаев 2005, 32–33, рис. 55: 1, 8, 15; 67: 1; 75: 20; Иванов 1997, 240, 242, рис. 55, 57: 3–6, 12; Иванова 1992, рис. 11: 24; Руденко 2007, 104–105]. Раскопки в 1995–2003 гг. Кирменского городища – болгарского торгового укрепленного пункта на Камском торговом пути, функционировавшего до начала XII в. [Нигамаев 2005, 41–56, рис. 83–111] установили направление торговых маршрутов из центральных районов Болгарии в Среднее Предуралье, тем самым восстановив «недостающее звено» в цепочке, связывающей два региона.

Полученные результаты

Имеющиеся археологические материалы позволяют выделить периоды болгаро-удмуртских контактов на протяжении домонгольского времени и обозначить их характер. В данном случае целесообразно рассмотреть это в контексте поставленной еще в конце прошлого века М. Г. Ивановой проблемы взаимовлияния культуры средневековых удмуртов и волжских болгар, в том числе – и эволюции финно-угорского компонента в материальной культуре последних [Иванова 1998, 210].

Первый этап болгаро-удмуртских связей охватывает X – вторую половину XI вв. В начале этого периода активно проходил процесс седентаризации болгар, трансформация общества с непостоянной оседлостью в новую общественную структуру, где ведущей формой хозяйствования становились стационарные земледельческие поселения и развивалось животноводство. Вероятно, существенную роль в этом играли традиции тех этнических групп, которые сформировали облик крупнейшего болгарского племени, оставившего Танкеевский и Тетюшский могильники IX–X вв., в первую очередь – полоумско-ломоватовских [Казаков 1992]. Этот достаточно близкий этнический субстрат, по данным антропологии, сохранялся в центральных районах Болгарии не только в раннеболгарский период, но и на протяжении всего домонгольского времени. Такая ситуация определяла и схожее развитие некоторых социально-экономических процессов в Волго-Камье, коррективы в которые вносила текущая политическая обстановка, в частности, хазарский контроль над болгарскими элитами до 60-х гг. X в., тесные контакты с кочевыми соседями – гузами, башкирами и уграми и образование государства.

На рубеже IX–X вв. у северных удмуртов, как и в целом в Прикамье, развивалась уже сложившаяся ранее поселенческая структура, а отличительной чертой времени стало формирование укрепленных ремесленных и торговых центров, своего рода протогородов, как результат активной торговли по Каме в VIII–IX вв. [Белавин, Крыласова 2008, 498–499, 507]. Так, в конце IX в. возникает крупнейшее на Чепце городище Иднакар [Иванова 1998, 81, 224, 225], а на рубеже IX–X вв. у болгар – единственное известное на сегодняшний день небольшое поселение в Малом Иерусалимском овраге в Булгаре.

Характер этих поселений был различный. У болгар это было не защищенное укреплением селище без признаков ремесленной деятельности, материальная культура которого была идентичной той, что зафиксирована на Танкеевском могильнике IX–X вв. Какой-либо статус оно вряд ли могло иметь, хотя и стало в дальнейшем начальной точкой будущего города Булгара. Иднакар же изначально создавался как племенной центр с торгово-ремесленными функциями и формирующейся земледельческой округой [Иванова 1978, 51], что связано с развитием социально-экономических отношений внутри древнеудмуртского этноса в конце I – начале II тыс. н.э. Маркером этого является развитие не только домашнего ремесла, но и различных ремесленных специализаций, в частности, металлургии железа, ювелирного и кузнечного дела и т.п., что прослежено, помимо Иднакара, и на ряде других средневековых удмуртских городищ X–XIII вв. [Иванова 1979, 36, 37, 46; она же 1987, 73; она же 1988, 89–118; она же 1999, 107].

У болгар развитие ремесел на таком уровне началось только во второй половине X в. Эта ситуация была связана, в первую очередь, с наличием, разработанностью и доступностью сырьевой базы, особенно в отношении цветных металлов, в чем болгары, безусловно, были в менее выгодном положении. Отчасти это компенсировалось активным развитием у болгар специализированных ремесел, например, производства круговой керамики на основе использования гончарного круга, что не практиковалось у их соседей [Иванова 1979, 59], а в дальнейшем – городского высокотехнологичного ремесла. В свете последних исследований можно утверждать, что многие серебряные изделия X в., выполненные в скано-зерновой технике, изготавливались в Прикамье, а не в Булгарии [Подосёнова 2021, 144].

Данных о торговых связях болгар и северных удмуртов в начале этого периода относительно немного. Чаще всего упоминаются ювелирные изделия, однако, как верно отмечала М. Г. Иванова, эти данные не столь однозначны [Иванова 1998, 210]. При этом многие популярные у торговцев изделия, шедшие транзитом через болгар, на Среднюю и Верхнюю Каму не попадали. Так, в отличие от Марийского Поволжья и Приочья, на Чепцу, как и в целом в Прикамье, не поступали художественные чаши из «белой бронзы», импортировавшиеся через Хазарию и болгарские земли на Среднюю Волгу из Восточного Ирана с середины X до первой четверти XI в. включительно [Rudenko 1996, 299–308; Руденко 2000, 69–81; Melikian-Chirvani 1974, 123–151].

Также на удмуртских памятниках этого этапа не встречены восточные медные котлы, которые распространялись в западной части ареала – Приочье и Марийском Поволжье, а со второй четверти X в. и у болгар. В Удмуртском Предуралье бытовали котлы другого вида. Импорт медных котлов из Булгарии на Чепцу приходится уже на XII столетие, причем, судя по материалам городища Иднакар, в это время здесь имели хождение котлы местного изготовления, сделанные по болгарским образцам [Иванова, Руденко 1994, 112–113; Rudenko 1996, 308–309].

Практически отсутствуют на памятниках северных удмуртов второй половины X – начала XI в. предметы восточного декоративно-прикладного искусства, например, накладки поясного гарнитура с арабскими надписями, реплики которых встречены на болгарских поселениях конца X – первой половины XI в. Обнаружены единичные артефакты этого типа, например, в яме 11 раскопа II городища Иднакар, датированной концом IX – началом XI в. [Иванова 1985, 23, рис. 12, 4; она же 1998, 79, рис. 2, 48]; их аналогии имеются в иранских изделиях XI в. [Jewelry 1991, 145, ill. 333–334]. Местные ремесленники обеспечивали жителей поселений в бассейне Чепцы разнообразной продукцией – от инструментов и до украшений, что хорошо документируется находками в удмуртских могильниках конца VIII–IX в. [Останина 2011, 40–155]. Потребности широкого импорта ремесленных товаров, даже при активном товарообороте в целом, видимо, не возникало.

Тем не менее, общее торговое пространство Волго-Камья в начале XI в. обеспечивало попадание какой-то части болгарских изделий и на Чепцу; например, здесь появляются пояса с металлическими накладками сердцевидной формы или в виде стилизованного лотоса; через болгар доходили до этих мест стеклянные ближневосточные полихромные и глазчатые бусы

[Иванов 1991, 148, 160, рис. 4; 9; 1–25]. Распространение болгарских изделий в Предуралье в конце X в. могло быть связано и с переселением болгар-язычников из Булгарии, хотя большая их часть мигрировала в Пермское Прикамье [Руденко 2019, 465].

В самой Булгарии в X в. было немало выходцев из Среднего и Верхнего Прикамья. Так, на Билярском городище обнаружены бронзовые миниатюрные votивные изделия, специфические поясные пряжки, игольники, шумящие коньковые подвески, традиционные для камских древностей с IX в., ранние формы которых встречены в Танкеевском могильнике в захоронениях X в. Близкие им встречены в Прикамье в комплексах X–XI вв. [Голдина, Ютина 2012, 468, 469, рис. 4: 11, 16, 22; 5: 50; 6: 74, 80].

Следующий, второй этап – конец XI – середина XII в. – был связан с увеличением числа болгарских артефактов на чепецких памятниках. Это, прежде всего, круговая керамика, количество которой на крупных удмуртских городищах, например, Иднакаре, в это время выросло с 1,8% до 10,5% [Иванова 1985, 30, табл. 3, рис. 17, 18]. Практически аналогичный по составу комплекс круговой болгарской керамики зафиксирован на Рождественском городище на Верхней Каме [Белавин, Крыласова 2008, 227–242, рис. 107–124].

Вероятно, это было следствием переселения, начиная с 50-х – 60-х гг. XI в. в район Среднего Предуралья групп болгар, покидавших разоряемые кочевниками – сначала гузами, а затем половцами – поселения из центральных областей государства и нижнего течения Камы. Часть этих людей, видимо, была связана с торговлей с Прикамьем, отсюда и движение в этом направлении. Вместе с ними на поселениях в Удмуртском и Пермском Предуралье появляются железные изделия аскизского круга, которые производились сериями на болгарских поселениях, начиная с середины XI в. [Руденко 2007, 165–169, рис. 54–58]. В редких случаях это оригинальные поделки, чаще – их болгарские реплики или подражания. Большая часть таковых производилась уже в конце XI – первой половине XII в. удмуртскими ремесленниками, что документируется материалами могильников и городищ, в первую очередь, Иднакара; на последнем они фиксируются в слое XI–XII в. [Иванова 1992, рис. 18: 1–20; она же 1998, 79, рис. 27, 32].

При этом следует учитывать, что удмуртские кузнецы с начала I тыс. н.э. следовали традиционным технологическим стереотипам, которые были весьма устойчивы и существовали практически автономно, без заметных влияний извне, в том числе и со стороны болгар [Завьялов 2005, 159]. Изделия аскизского круга, изготавливавшиеся по простым технологическим схемам как в Волжской Булгарии, так и на Чепце, видимо, достаточно быстро стали частью ассортимента продукции местных кузнецов, приобретая, в отдельных случаях, оригинальную форму и конструкцию [Иванова 1992, рис. 32, 21]. Вместе с тем, чепецкие изделия не имели художественного декора, как это часто практиковалось на болгарских поделках, но это упрощало их изготовление.

По материалам Кузьминского и других могильников М. Г. Иванова установила, что железная поясная гарнитура, прежде всего – накладки аскизского типа, появилась в погребальном инвентаре удмуртских некрополей в конце XI или в начале XII в. и прекратила бытование в конце XII в. Накладки составляли в это время практически постоянную часть костюмного комплекса северных удмуртов [Иванова 1991, 42; она же 1992, 51–52]. Время их распространения на чепецких памятниках совпадает с периодом их бытования у болгар. Налаженное местное производство таких изделий обусловило их широкое распространение у населения чепецкой культуры [Иванова 2016, 137, 138, рис. 2: 21, 22, 23].

Отметим, что на Верхней Каме, на Рождественском комплексе [Белавин, Крыласова 2008, 486, 487, рис. 212; 16; 213] в незначительном количестве на поселениях найдены болгарские подражания аскизским изделиям и их местные производные, датирующиеся, в основном, XII в. Единичные экземпляры болгарских реплик аскизских изделий в этот же период встречены в марийских Выжумском II и Руткинском могильниках [Архипов 1986, рис. 32; 6; 34; 6–9].

Вместе с изделиями аскизского круга на памятниках Прикамья в этот период, скорее всего, через болгар распространяются степные типы конского снаряжения: стремена, удила, наносные

султаны [Иванова 1979, 18, табл. I, II; Пастушенко 2006, 57, рис. 2; 1; 6; 21; 9; 22; 11; 26; 12; Иванов 1997, 249, рис. 64; 13]. Часть из них, судя по металлографическому анализу артефактов из Кишертского могильника, по мнению исследователей, могла быть привезена из Волжской Булгарии [Перевошиков, Волкова 2006, 75].

Разнообразится и набор железных наконечников стрел на чепецких памятниках; в ассортименте – листовидные с длинной шейкой и узелковым упором, долотовидные, бронебойные с пирамидальной головкой, квадратные в сечении, а также узкие наконечники-срезни, датированные XI в., встречающиеся как на городищах, так и в могильниках [Иванова 1979, 22, 26, табл. Г, табл. III; 22, 25, 26; она же 1998, 114–116, рис. 42; 8–10, 11–16; 43; 1,2; 44: 1–9]. При этом на Верхней Каме железные наконечники стрел, появившиеся в XI в., представлены меньшим количеством типов. В основном это бронебойные наконечники либо наконечники оригинальных форм, аналогии которым можно обнаружить в Волжской Булгарии [Белавин, Крыласова 2008, 329, рис. 169]. В этот же период комплекс вооружения у населения Чепцы пополняется и специфическим оружием – копьями и пиками, характерными для всадников и датирующимися XI – началом XII в. [Иванова 1992, 26, рис. 24; 1, 5, 6, 7].

С вышеописанными событиями связаны находки болгарской керамики на чепецких памятниках, в частности, на Иднакаре и Кузьминском могильнике [Иванова 1992, рис. 31; она же 1998, 211, рис. 100]. Н. А. Кокорина, изучившая их, считала, что они все домонгольского времени [Кокорина 1995, 62]. Обращают на себя внимание два факта: первое – то, что это почти исключительно столовая посуда [Иванова 1985, 33] и, во-вторых, такие же изделия встречаются на болгарских памятниках, преимущественно в комплексах XI – начала XII в. Гарная посуда (корчаги), характерная для торгового импорта, встречена в количестве всего 2-х экземпляров; при этом достаточно разнообразны кувшины, блюдообразные сосуды и миски [Кокорина 1995, 58, 67, рис. 3; 14, 15; 4; 7].

Очевидно, что все эти изделия поступали к пользователям не одновременно, а постепенно, что, собственно, отразилось в статистике их выпадения в культурный слой по стратиграфическим слоям Иднакара, распределяясь достаточно равномерно по площади городища. Можно предположить, что владели ими здесь преимущественно чепецкие торговцы, проживавшие у болгар, часть которых вернулась обратно из-за нестабильности ситуации в Булгарии, а также болгары-мигранты. Последние были достаточно быстро ассимилированы, и к концу XII в. их материальная культура мало чем отличалась от местной.

Появление на Чепце болгар-переселенцев в конце XI – начале XII вв. само по себе не оказало какого-либо выдающегося влияния на жизнь местного населения, но стимулировало дальнейшее развитие здесь металлообработки и привнесло ряд инноваций в традиционную керамику (сосуды с боковой ручкой) [Иванова 1998, 197]. Также с присутствием болгар в Прикамье связаны находки на чепецких городищах костяных пуговиц, украшенных циркульным орнаментом, и характерной формы амулетов [Иванов 1997, 135, рис. 64; 1, 2].

Оригинальные болгарские украшения, выполненные в скано-зерновой технике, встречены на Чепце в единичных образцах, как, например, височные трехбусинные кольца, зато представительны местные серии однобусинных колец, также выполненные в этой технике, но с характерными скаными «ребрышками» на дужке [Иванова 1992, рис. 11; 18, 19, 23, 24, 28]. Отметим, что болгарских изделий с чернью на чепецких памятниках не выявлено.

Археологические свидетельства местного производства скано-зерновых поделок средневековым населением Чепцы привел А. Г. Иванов. Особенности технико-технологических приемов конструирования и дизайна таких украшений выявила Ю. А. Подосёнова [Иванов 1997, 131–132; Подосёнова 2021, 143–145]. Остается открытым вопрос о калачевидных серьгах и о подвесках-лунницах, выполненных в той же технике. Можно согласиться с мнением Ю. А. Подосёновой об изготовлении калачевидных серег в XI в. в нескольких региональных центрах, расположенных в Пермском и Удмуртском Предуралье, а также в Ветлужско-Вятском междуречье [Подосёнова 2021, 143]. В Удмуртском Предуралье они, несомненно, изготавливались

на Иднакаре, где обнаружены связки таких украшений (яма 3, раскоп II) [Иванова 1985, 24, рис. 13; 5; она же 1998, 140, рис. 55; 24].

Интересен и другой факт – поступление в конце этого периода на Чепцу украшений из пермского ювелирного центра: монетовидных и крестовидных подвесок, топорикивидных подвесок-пластин и массивных плетеных проволочных браслетов, сделанных по болгарским образцам. Мнение об их болгарской принадлежности ошибочно [Иванов 1997, 132–133, 248, 249, рис. 63; 64; 11; 65; 13]. Ареал распространения этих поделок достаточно широк, например, они встречаются погребальном инвентаре марийских могильников XII в. [Архипов 1986, рис. 24; 10, 13].

Вероятнее всего, период нестабильности в Волжской Булгарии, сопровождавшийся сокращением торговых сношений с северными соседями, стимулировал развитие торговли в верхнем и среднем течении Камы. Это произошло в первой трети XII в., поскольку приехавший в 1135 г. к болгарам и пробывший у них достаточно долгое время арабский путешественник Абу Хамид ал Гарнати сведений о каких-либо военных конфликтах не упоминает. При этом в Булгаре он видел приезжих из северных стран (Вису и Йуру) [Большаков 1971, 35–36], что свидетельствует о возобновлении контактов болгар с Прикамьем. Подтверждением последнего является находка в Волжской Булгарии птицевидной подвески, аналогичной изделиям из Кузьминского могильника и Иднакара, датированным рубежом XI–XII и XII вв. [Руденко 2008, 230–232; Иванова 1992, рис. 47; 6, 41; 54; 4].

На третьем этапе, во второй половине XII в., связи с Волжской Булгарией продолжались. Так, через болгар на Чепцу попали дорогие ткани, например, тафта из погребения 85 Кузьминского могильника, датированного XII в. [Елкина 1988, 147, 148, № 9]. Тафта была одним из распространенных материалов для шитья одежды на Востоке, наряду с разнообразными шелковыми тканями [Textile 2010, 71–74], активно распространявшимися по торговым путям.

Также к восточному импорту можно отнести чашу без изображений, изготовленную из сплава цветных металлов, найденную на Иднакаре в слое XII в. [Иванова 1998, 210, рис. 99; 2]. Такие чаши имели хождение в VIII–IX вв. в Центральной Азии и известны в Предуралье в это же время. Не исключено, что она была изготовлена намного раньше, чем попала в культурный слой городища.

Вторая чаша, найденная вместе с предыдущей, имеет объемный декор: 14 ложек с приостренными окончаниями, образующими в плане розетку, центр которой составляет круглый медальон, ограниченный выпуклым ободком. В медальоне на дне чаши вычеканен рисунок, состоящий из двух крестовидных фигур [Иванова 1998, 210, рис. 99, 1]. Эта чаша не относится к группе восточноиранской торевтики X – первой трети XI вв., как утверждалось в литературе [Иванов 1997, 130]. Она имеет мало сходства с этими изделиями по форме, дизайну, технологии изготовления и оформления, а мотивы орнамента и его элементы не совпадают с декором на исламской торевтике средневекового времени [Ваер 1983, 202, fig. 176]. Можно предположить, что это изделие европейского (включая территорию Древней Руси) или византийского происхождения. Оно маркирует еще одно направление связей Удмуртского Предуралья на третьем этапе – с русскими княжествами [Макаров 2001, 21, 22, 38]. Не случайно, что именно на вторую половину XII – начало XIII в. приходится активность внешней политики болгар в северо-восточном направлении. Русские торговцы весьма успешно конкурировали с булгарами в Предуралье.

Помимо бытовых изделий, через Русь импортировались и редкие товары. В этой связи стоит отметить находку в погребении 16 Кузьминского могильника фрагмента ткани, определенной как византийский самит [Елкина 1988, 147]. Византийский самит был дорогой тканью, чаще всего использовавшейся в парадной и церемониальной одежде [Textile 2010, 75–79; Boucher 2004, 145–153]. Истоки его связаны с китайским шелком, который в эпоху Тан импортировался в империю. Аналогичные византийскому самиту ткани производились в империи Ляо и Северном Китае до монгольского завоевания [Chinese 2012, 271]. Однако на дизайн ви-

зантийских тканей в большей степени оказали влияние художественные традиции исламских стран [Byzantium 2012, 148–159]. В качестве импорта самит встречается нечасто, а в данном случае это необычный артефакт.

В целом, во второй половине XII – начале XIII в. соотношение заимствованных и местных элементов культуры как в Волжской Булгарии, так и в Удмуртском Предуралье остается на том же уровне, что и на предыдущем этапе. Более того, можно утверждать, что в это время завершается формирование региональных экономических систем, начиная от сырьевых ресурсов и до ремесленных технологий, создавших основу материального обеспечения традиционной культуры народов Волго-Камья.

Обсуждение

Анализ материальной культуры Удмуртского Предуралья и Волжской Булгарии в X – начале XIII вв. показал, что изначально развитие их происходило на одной базисной основе, что заметно ощущалось в IX–X вв. Это подпитывалось как инфильтрацией прикамского населения в Булгарию, так и частичным движением болгар вверх по Каме в этот период. Во второй половине X в. болгарская урбанизация и международная торговля дали сильнейший импульс развитию экономики страны и во многом революционизировали техническое обновление многих производств, что создало новый вектор деятельности ремесленников как города, так и села. Это обусловило интенсивность транзаций в болгарской культуре за счет заимствований, трансформаций, а то и прямого включения элементов чужой культуры, происходивших путем нивелирования и вытеснения традиционных элементов собственной.

В то же самое время в Прикамье независимо от этого происходило дальнейшее развитие основных элементов материальной культуры, что хорошо прослеживается по различным категориям предметов, например, ювелирным украшениям [Подосёнова 2021, 132, рис. 129]. В XI в. материальная культура приобрела устойчивость и специфические региональные особенности, наиболее выраженные в ремесленной продукции – как в технологических нюансах, так и в ассортименте видов производимых изделий, где-то продолживших типологическую эволюцию традиционных форм, а где-то прервав ее. Это закрепилось во второй половине XII в. в двух основных локациях – в Пермском Предуралье, включая Верхнюю Каму, и в Удмуртском Предуралье.

Заимствование новых элементов материальной культуры в Предуралье, как, например, изделий аскизского круга, произошло вследствие оттока болгарского населения на Среднюю и Верхнюю Каму в конце XI – начале XII вв. из-за вторжений кочевников. Это же стимулировало местное ремесленное производство, а также стало причиной распространения здесь новых форм изделий, композиций их декора и ряда инноваций в технологиях. С начала XII в. активизировались торговые и культурные связи между населением среднего и верхнего течения Камы и продолжились контакты с волжскими булгарами, что отмечено в письменных источниках и подтверждается археологическим материалом.

Заключение

Таким образом, материальная культура народов Волжской Булгарии и средневековых удмуртов находилась в тесном взаимодействии на протяжении нескольких столетий, что было обусловлено генетической общностью происхождения базисных основ многих их элементов, а также сходными путями их развития на раннем этапе – в IX–X вв. В XI–XII вв. закрепление традиционных черт культуры удмуртов шло параллельно со становлением государственной культуры Волжской Булгарии, где нивелировались элементы предшествующей субстратной основы. Самобытный путь развития первой не был изменен и при включении инокультурных элементов из Волжской Булгарии, например, изделий аскизского круга в конце XI в., которые быстро были адаптированы к местным традициям. Устойчивость традиций материальной культуры у средневековых удмуртов оказалась возможной только при укреплении этнокультурных

связей населения Верхнего и Среднего Предуралья в XI–XII вв., что хорошо прослеживается по ювелирным изделиям, а также благодаря расширению торгового пространства.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов Г. А.* Марийцы XII–XIII веков (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1986. 140 с.
- Белафин А. М., Крыласова Н. Б.* Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.
- Большаков О. Г.* Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М.: Наука, 1971. 134 с.
- Голдина Р. Д., Ютина Т. К.* О датировке и хронологии комплексов Агафоновского могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2012. С. 447–472.
- Ёлкина А. К.* Исследование коллекции древнего текстиля из археологических памятников Удмуртии // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 143–152.
- Завьялов В. И.* История кузнечного ремесла пермян. Археометаллографическое исследование. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 244 с.
- Иванов А. Г.* Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УдНИИ. 1991. С. 140–180.
- Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 309 с.
- Иванова М. Г.* Земледелие северных удмуртов в начале II тысячелетия н.э. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1978. С. 49–67.
- Иванова М. Г.* Хозяйство северных удмуртов в конце IX – начале XIII вв. н. э. // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск: УдНИИ, 1979. С. 6–68.
- Иванова М. Г.* Городище Иднакар (Результаты исследований 1975–1977 гг.) // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: УдНИИ, 1985. С. 3–36.
- Иванова М. Г.* Некоторые проблемы этнокультурной истории удмуртов в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск: УдНИИ, 1987. С. 70–83.
- Иванова М. Г.* Производственные сооружения городища Иднакар // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 89–118.
- Иванова М. Г.* Погребальный обряд северных удмуртов IX–XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 35–55.
- Иванова М. Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.
- Иванова М. Г.* Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
- Иванова М. Г.* Древнеудмуртское городище Иднакар: некоторые итоги и перспективы исследований // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума. Ижевск–Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 103–110.
- Иванова М. Г.* Хронология структурных частей городища Уччакар в бассейне р. Чепцы // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Том 10. № 3. С. 134–145.
- Иванова М. Г., Руденко К. А.* Медная посуда из древнеудмуртского могильника у д. Кузьмино и ее этнокультурные параллели // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. АЭМК. 1994. Вып. 23. С. 107–120.
- Казаков Е. П.* Культура ранней Волжской Болгарии: (Этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 332 с.
- Кокорина Н. А.* Булгарская керамика Иднакара (по материалам раскопок 1974–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 56–71.
- Макаров Л. Д.* Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: Издат. Дом «Удмуртский университет», 2001. 140 с.
- Нигамаев А. З.* Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во ун-та, 2005. 228 с.
- Останина Т. И.* Поломский II могильник Красная Горка (материалы раскопок 1959–1960 гг.) // Finno-Ugrica. 2011. № 12–13. С. 40–155.

Пастушенко И. Ю. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // *Finno-Ugrica*. 2006. № 9. С. 40–70.

Перевоицков С., Волкова З. Результаты металлографического анализа железных предметов из Кишертского могильника и I поселения в бассейне реки Сылвы // *Finno-Ugrica*. 2006. № 9. С. 71–75.

Подосёнова Ю. А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ. 2021. 210 с.

Руденко К. А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума. Ижевск–Глазов: УИИЯЛ УрО РАН. 1999. С. 73–102.

Руденко К. А. Металлические чаши VIII–XI вв. из Среднего Поволжья // Древности Окско-Сурского междуречья. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т, 2000. Вып. 2. С. 69–81.

Руденко К. А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: «Школа». 2007. 244 с.

Руденко К. А. Птицевидная привеска из фондов музея Алексеевского района Татарстана // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции. СПб.: Историч. Факультет СПбГУ. 2008. С. 230–232.

Руденко К. А. Вопросы взаимодействия народов Волго-Камья в X–XIV вв. (по данным археологии) // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Ижевск: Изд-во Анны Зелениной. 2019. С. 463–467.

Baer E. *Metalwork in Medieval Islamic Art*. New York. 1983. 372 p.

Boucher F. *A history of Costume in the West / translated from the French by John Ross*. 3th ed. L.; New York. 2004. 460 p.

Byzantium and Islam: Age of transition 7th–9th century. New York. 2012. 332 p.

Chinese Silks. New Haven-London. 2012. 572 p.

Jewelry, 7 000 Years: An International History and Illustrated Survey from the Collection of the British Museum. New York: Abradale Press. 1991. 255 p.

Melikian-Chirvani A.S. The White Bronzes of Early Islamic Iran // *Metropolitan Museum Journal*. 1974. Vol. 9. P. 123–151.

Rudenko K. Metal ware of the finno-ugric peoples of eastern Europe and the transurals // *Historia Fenno-Ugrica I:2. Congressus primus historiae fenno-ugricae*. Oulu. 1996. P. 299–308.

Rudenko K. Suomalais-ugrilaiset elementit turkkilaisten valtioiden kulttuureissa 1100-1300-luvuilla jKr. // *Historia Fenno-Ugrica I:2. Congressus primus historiae fenno-ugricae*. Oulu. 1996. P. 308–309.

Textile. 5 000 years of textiles. L.: British Museum Press. 2010. 320 p.

Поступила в редакцию 20.05.2021

Руденко Константин Александрович,

доктор исторических наук, профессор,

Казанский государственный институт культуры,
420059, Россия, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 3

e-mail: murziha@mail.ru

K. A. Rudenko

MEDIEVAL UDMURTS AND VOLGA BULGARIA IN X - EARLY XIII CENTURIES

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-469-480

The article deals with the problem of relations between two neighboring peoples - medieval Udmurts and Volga Bulgars in the 10th – early 13th centuries. The main material for the study was the archaeological materials presented at the present time by a significant number of studied archaeological objects - settlements and burial grounds. The author examines three stages of ethnocultural contacts: 1) X – the second half of the XI century; 2) the end of the XI – the middle of the XII century; 3) the second half of the XII – the beginning of the

XIII century. At the beginning of the first stage, the degree of development of the material culture of both Bulgars and the Cheptsya population was at the same level, and the possibilities of development on the basis of raw materials in the Udmurt Cis-Urals were much higher. This situation persisted until the second half of the 10th century, when the Bulgar state began to actively develop the trade space to the north of its borders. Nevertheless, the Chepetsy population during this period was less exposed to the Bulgar trade expansion than the Mari, Mordovians and Murom, developing crafts and expanding ties with the Perm Urals. At the second stage, groups of settlers from the Volga Bulgaria appeared on Chepetsy, who influenced the development of high-tech industries and the emergence of new types of artifacts, for example, items of the Askiz type. By the end of the XII century, they have completely assimilated. In the same period, the connections of the Chepetsy population with the Perm Cis-Urals and Russian lands expanded. This situation continued at the third stage. At that time, mainly rare goods, for example, silk fabrics, were brought from the Volga Bulgaria. Thus, for three centuries, close ties of the medieval Udmurts with the Volga Bulgars remained, demonstrating special mechanisms of interaction in the changing conditions of the functioning of medieval ethnic groups in different models of cultural development.

Keywords: Volga Bulgaria, Ancient Rus, Bulgars, medieval Udmurts, Finno-Ugrians, Idnakar, Askiz culture, medieval trade, material culture, jewelry, toreutics, migrations, cultural interaction, filigree.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 469–480. In Russian.

REFERENCES

Arkhipov G. A. *Mariitsy XII–XIII vekov (K ehtnokul'turnoi istorii Povetluzh'ya)* [Mari XII–XIII centuries (On the ethnocultural history of Povetluzhie)]. Yoshkar-Ola: Mari book publishing house, 1986. 140 p. In Russian.

Belavin A. M., Krylasova N. B. *Drevnyaya Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk* [Ancient Afkula: an archaeological complex near the village. Rozhdestvensk]. Perm: PGPU Publ., 2008. 603 p. In Russian.

Bolshakov O. G. *Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuyu i Tsentral'nuyu Evropu (1131–1153 gg.)*. [Travel of Abu Hamid al-Garnati to Eastern and Central Europe (1131–1153)]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 134 p. In Russian.

Goldina R. D., Yutina T. K. O datirovke i khronologii kompleksov Agafonovskogo mogil'nika (IX–XII vv.) [On the dating and chronology of the complexes of the Agafonovsky burial ground (IX–XII centuries)]. *Drevnosti Prikam'ya ehpokhi zheleza (VI v. do n.eh. – XV v. n.eh.): khronologicheskaya atributsiya* [Antiquities of the Kama region of the Iron Age (VI century BC – XV century AD): chronological attribution]. Izhevsk: Publishing house "Udmurt University", 2012. Pp. 447–472. In Russian.

Elkina A. K. Issledovanie kolleksii drevnego tekstilya iz arkheologicheskikh pamyatnikov Udmurtii [Study of the collection of ancient textiles from the archaeological sites of Udmurtia]. *Novye issledovaniya po drevnei istorii Udmurtii* [New research on the ancient history of Udmurtia]. Izhevsk: UIIYAL UrO AN USSR Publ., 1988. Pp. 143–152. In Russian.

Zavyalov V. I. *Istoriya kuznechnogo remesla permyan. Arkheometallograficheskoe issledovanie* [The history of the blacksmith craft of the Permians. Archeometallographic research]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 2005. 244 p. In Russian.

Ivanov A. G. Kachkashurskii mogil'nik IX–XIII vv. v basseine r. Chepetsy [Kachkashur burial ground IX–XIII centuries. in the river basin Chepetsy]. *Materialy po pogrebal'nomu obryadu udmurtov* [Materials on the burial rite of the Udmurts]. Izhevsk: UIIYAL UrO AN USSR Publ., 1991. Pp. 140–180. In Russian.

Ivanov A. G. *Ehtnokul'turnye i ehkonomicheskie svyazi naseleniya basseina r. Chepetsy v ehpokhu srednevekov'ya: konets V – pervaya polovina XIII v.* [Ethnocultural and economic relations of the population of the river Chepetsy in the Middle Ages: the end of the 5th – the first half of the 13th century]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 1997. 309 p. In Russian.

Ivanova M. G. Zemledelie severnykh udmurtov v nachale II tysyacheletiya n.eh. [Agriculture of the Northern Udmurts at the beginning of the 2nd millennium A.D.]. *Materialy k rannei istorii naseleniya Udmurtii* [Materials for the early history of the population of Udmurtia]. Izhevsk: UIIYAL UrO AN USSR Publ., 1978. Pp. 49–67. In Russian.

Ivanova M. G. Khozyaistvo severnykh udmurtov v kontse IX – nachale XIII vv. n. eh. [The economy of the northern Udmurts in the late 9th – early 13th centuries A.D.]. *Severnye udmurty v nachale II tysyacheletiya n. eh.* [Northern Udmurts at the beginning of the 2nd millennium A.D.]. Izhevsk: UdNII Publ., 1979. Pp. 6–68. In Russian.

Ivanova M. G. Gorodishche Idna-kar (Rezultaty issledovaniy 1975–1977 gg.) [Hillfort Idna-kar (Research results 1975–1977)]. *Materialy srednevekovykh pamyatnikov Udmurtii* [Materials of medieval monuments of Udmurtia]. Ustinov UdNII Publ., 1985. Pp. 3–36. In Russian.

Ivanova M. G. Nekotorye problemy ehtnokul'turnoi istorii udmurtov v kontse I – nachale II tysyacheletiya n. eh. [Some problems of the ethnocultural history of the Udmurts at the end of the 1st – the beginning of the 2nd millennium A.D.]. *Problemy izucheniya drevnei istorii Udmurtii* [Problems of studying the ancient history of Udmurtia]. Izhevsk: UdNII Publ., 1987. Pp. 70–83. In Russian.

Ivanova M. G. Proizvodstvennye sooruzheniya gorodishcha Idnakar [Industrial buildings of the hillfort Idnakar]. *Novye issledovaniya po drevnei istorii Udmurtii* [New research on the ancient history of Udmurtia]. Izhevsk: UIIYAL URO AN USSR Publ., 1988. Pp. 89–118. In Russian.

Ivanova M. G. Pogrebal'nyi obryad severnykh udmurtov IX–XIII vv. [The funeral rite of the northern Udmurts of the 9th–13th centuries]. *Materialy po pogrebal'nomu obryadu udmurtov* [Materials on the burial rite of the Udmurts]. Izhevsk: UIIYAL URO AN USSR Publ., 1991. Pp. 35–55. In Russian.

Ivanova M. G. Pogrebal'nye pamyatniki severnykh udmurtov XI–XIII vv. [Funeral monuments of the northern Udmurts of the 11th–13th centuries]. Izhevsk: UIIYAL URO RAN Publ., 1992. 184 p. In Russian.

Ivanova M. G. Idnakar: drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. [Idnakar: ancient Udmurt hillfort of the IX–XIII centuries]. Izhevsk: UIIYAL URO RAN Publ., 1998. 294 p. In Russian.

Ivanova M. G. Drevneudmurtskoe gorodishche Idnakar: nekotorye itogi i perspektivy issledovaniy [Old Udmurt settlement Idnakar: some results and prospects of research]. *Novye issledovaniya po srednevekovoi arkheologii Povolzh'ya i Priural'ya: Materialy Mezhdunarodnogo polevogo simpoziuma* [New research on medieval archeology of the Volga and Ural regions: Materials of the International Field Symposium]. Izhevsk-Glazov: UIIYAL URO RAN Publ., 1999. Pp. 103–110. In Russian.

Ivanova M. G. Hronologiya strukturnykh chastej gorodishcha Uchkakar v bassejne r. Chepcy [Chronology of Structural Parts of Ancient Settlement Uchkakar in the Cheptsya River Basin]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. Vol 10. № 3 (2016). Pp. 134–145. In Russian.

Ivanova M. G., Rudenko K. A. Mednaya posuda iz drevneudmurtskogo mogil'nika u d. Kuz'mino i ee ehtnokul'turnye paralleli [Copper dishes from the ancient Udmurt burial ground near the village of Kuz'mino and its ethnocultural parallels]. *Problemy srednevekovoi arkheologii volzhskikh finnov* [Problems of medieval archeology of the Volga Finns]. Seriya: Arkheologiya i ehtnografiya Mariiskogo kraja. Vypusk 23 [Series: Archeology and Ethnography of the Mari Territory. Issue 23]. Yoshkar-Ola: MarNIYALI Publ., 1994. Pp. 107–120. In Russian.

Kazakov E. P. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii: (Ehtapy ehtnokul'turnoi istorii)* [The culture of early Volga Bulgaria: (Stages of ethnocultural history)]. Moscow: Nauka Publ., 1992. 332 p. In Russian.

Kokorina N. A. Bulgarskaya keramika Idnakara (po materialam raskopok 1974–1992 gg.) [Bulgar ceramics of Idnakar (based on materials from excavations of 1974–1992)]. *Materialy issledovaniy gorodishcha Idnakar IX–XIII vv.* [Materials of research of the settlement of Idnakar in the 9th–13th centuries]. Izhevsk: UIIYAL URO RAN Publ., 1995. Pp. 56–71. In Russian.

Makarov L. D. *Drevnerusskoe naselenie Prikam'ya v X–XV vv.* [Old Russian population of the Kama region in the X–XV centuries]. Izhevsk: Udmurt University Press, 2001. 140 p. In Russian.

Nigamaev A. Z. *Bolgarskie goroda Predkam'ya: Alabuga, Kirmen', Chally. Svoeobrazie material'noi kul'tury naseleniya* [Bulgarian cities of Predkam'ya: Alabuga, Kirmen', Chaly. The originality of the material culture of the population]. Kazan: University Press, 2005. 228 p. In Russian.

Ostanina T. I. Polomskii II mogil'nik Krasnaya Gorka (materialy raskopok 1959–1960 gg.) [Polomsky II burial ground Krasnaya Gorka (materials from excavations 1959–1960)]. *Finno-Ugrica*, 2011. № 12–13. Pp. 40–155. In Russian.

Pastushenko I. Yu. Kishertskii mogil'nik v bassejne reki Sylvy [Kishert burial ground in the Sylva river basin]. *Finno-Ugrica*, 2006. № 9. Pp. 40–70. In Russian.

Perevoshchikov S. Volkova Z. Rezultaty metallograficheskogo analiza zheleznykh predmetov iz Kishertskogo mogil'nika i I poseleniya v bassejne reki Sylvy [Results of metallographic analysis of iron objects from the Kishert burial ground and I settlement in the Sylva river basin]. *Finno-Ugrica*, 2006. № 9. Pp. 71–75. In Russian.

Podosenova Yu. A. *Visochnye ukrasheniya srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya* [Temple decorations of the medieval population of the Perm Cis-Urals]. Perm: PGPU Publ., 2021. 210 p. In Russian.

Rudenko K. A. K voprosu ob udmurtskikh ehlementakh v material'noi kul'ture Volzhskoi Bulgarii XI–XIV vv. (na primere Laishevskogo selishcha) [To the question of the Udmurt elements in the material culture of the Volga Bulgaria in the 11th–14th centuries. (on the example of Laishevsky settlement)]. *Novye issledovaniya po srednevekovoi arkheologii Povolzh'ya i Priural'ya. Materialy Mezhdunarodnogo polevogo simpoziuma* [New research on medieval archeology of the Volga and Ural regions. Materials of the International Field Symposium]. Izhevsk-Glazov: UIIYAL URO RAN Publ., 1999. Pp. 73–102. In Russian.

Rudenko K. A. Metallicheskie chashi VIII–XI vv. iz Srednego Povolzh'ya [Metal bowls of the 8th–11th centuries from the Middle Volga region]. *Drevnosti Oksko-Surskogo mezhdurech'ya* [Antiquities of the Oka-Sursk interfluve. Issue 2]. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute Publ., 2000. Pp. 69–81. In Russian.

Rudenko K. A. *Volzhskaya Bulgariya v XI – nachale XIII v.: poseleniya i material'naya kul'tura* [Volga Bulgaria in the 11th – early 13th centuries: settlements and material culture]. Kazan: «Shkola» Publ., 2007. 244 p. In Russian.

Rudenko K. A. Ptitsevidnaya priveska iz fondov muzeya Alekseevskogo raiona Tatarstana [Bird-shaped pendant from the funds of the museum of the Alekseevsky district of Tatarstan]. *Sluchainye nakhodki: khronologiya, atributsiya, istoriko-kul'turnyi kontekst. Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii* [Accidental finds: chronology, attribution, historical and cultural context. Materials of the thematic scientific conference]. St. Petersburg: Faculty of History, St. Petersburg State University Publ., 2008. Pp. 230–232. In Russian.

Rudenko K. A. Voprosy vzaimodeistviya narodov Volgo-Kam'ya v X–XIV vv. (po dannym arkheologii) [Issues of interaction between the peoples of the Volga-Kama region in the X–XIV centuries. (according to archeology)]. *Finno-ugorskii mir v poliehtnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy: sbornik statei po materialam VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov* [The Finno-Ugric world in the multiethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges: a collection of articles based on the materials of the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Studies]. Izhevsk: Anna Zelenina Publishing House, 2019. Pp. 463–467. In Russian.

Baer E. *Metalwork in Medieval Islamic Art*. New York. 1983. 372 p.

Boucher F. *A history of Costume in the West* / translated from the French by John Ross. 3rd ed. L.; New York. 2004. 460 p.

Byzantium and Islam: Age of transition 7th–9th Century. New York. 2012. 332 p.

Chinese Silks. New Haven–London, 2012. 572 p.

Jewelry, 7 000 Years: An International History and Illustrated Survey from the Collection of the British Museum. New York: Abradale Press, 1991. 255 p.

Melikian-Chirvani A. S. The White Bronzes of Early Islamic Iran. *Metropolitan Museum Journal*. 1974, vol. 9. Pp. 123–151.

Rudenko K. Metal ware of the finno-ugric peoples of eastern Europe and the transurals. *Historia Fenno-Ugrica I: 2. Congressus primus historiae fenno-ugricae*. Oulu, 1996. Pp. 299–308.

Rudenko K. Suomalais-ugrilaiset elementit turkkilaisten valtioiden kulttuureissa 1100-1300-luvuilla jKr. *Historia Fenno-Ugrica I:2. Congressus primus historiae fenno-ugricae*. Oulu, 1996. Pp. 308–309. In Finnish.

Textile. 5 000 years of textiles. London: British Museum Press, 2010. 320 p.

Received 20.05.2021

Rudenko Konstantin Aleksandrovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kazan State Institute of Culture,
3, Orenburg tract, st., Kazan, 420059, Russian Federation,
e-mail: murziha@mail.ru